

Наталья ПУРЫШЕВА

ТРИУМФ НЕИСТОВЫХ

20-е годы XX века традиционно считаются периодом возрождения, бурного развития, расцвета белорусской художественной культуры. С этим глубоко укоренившимся в сознании наших современников утверждением трудно спорить. Однако чем пристальнее вчитываешься в документы тех лет, тем яснее видна двойственность, противоречивость «золотого десятилетия» белорусской культуры. Действительно, в этот период на Беларуси шло становление профессиональной художественной культуры: развивались театр, музыка, изобразительное искусство, возникло белорусское кино, появились первые художественные учебные заведения. Особенно заметные перемены происходили в художественной литературе. Литературная жизнь Беларуси в 20-е годы отличалась удивительным динамизмом: появились новые имена, новые направления, новые жанры, шло освоение новой тематики и распадались творческие организации, объединявшие писателей, поэтов, критиков. Однако документальные материалы ясно свидетельствуют о том, что стремительное наращивание «литературного тела», как, впрочем, и других отраслей белорусской художественной культуры, протекало в определенных рамках, установленных партией большевиков и государством «диктатуры пролетариата». Следует заметить, что в 20-е годы эти рамки были довольно широки, а в самом партийно-государственном аппарате существовали разные точки зрения на формы и методы руководства литературой и искусством. Эти разногласия нашли выражение в двух тенденциях — национально-демократической и авторитарно-бюрократической, проявившихся в литературно-художественной поли-

тике партийных и государственных структур БССР. У каждой из этих тенденций были свои ревнителы, которые одинаково неистово пытались отстаивать свою правоту и право на монополию.

1 августа 1920 года в Минске на многолюдном митинге была обнародована «Декларация о провозглашении независимости Советской Социалистической Республики Белоруссии». Принятие «Декларации» стало актом исторического значения. Объявив о полном равноправии четырех языков (белорусского, польского, еврейского) как в делопроизводстве, так и в сфере образования и культуры, этот документ заложил правовую основу для духовного возрождения белорусского народа. Образование белорусской советской государственности, закрепленное в «Декларации», открыло возможности для становления национальной системы науки, просвещения, профессиональной художественной культуры. Однако эти возможности реализовывались в чрезвычайно сложных экономических и идейно-политических условиях. Специфика ситуации заключалась в том, что в составе высшего партийного и государственного руководства не было единства по вопросу о перспективах национально-культурного развития. В начале 20-х годов в высшем органе республиканской партийной организации — Центральном Бюро (с 1924 г. — Центральный Комитет) преобладали противники проведения национально ориентированной культурной политики (В. Г. Кнорин и др.). Им противостояли немногочисленные, но энергичные и убежденные в своей правоте коммунисты, представлявшие национально-демократические силы в КП(б)Б (А. Г. Червяков, В. М. Игнатовский, Зм. Ф. Жилунович и др.). При общности задачи — создать культуру нового, социалистического типа — они по-разному оценивали место и объем представительства в ней национальных элементов.

Первые документально подтвержденные проявления разногласий в руководстве БССР по проблемам литературно-художественной политики обнаружилось в заочной полемике между В. Г. Кнориным и В. М. Игнатовским, возникшей в 1922 году по поводу поэмы М. Чарота «Босыя на вогнішчы» (опубликована в 1921 году). Конечно, у оппонентов были точки соприкосновения. Оба рассматривали художественную культуру как область идеологии, которая специфическими методами участвует в политике, выполняя функции орудия классовой борьбы. Общей была убежденность в необходимости создания литературы и искусства нового типа, которые соответствовали бы строящемуся новому обществу и находились бы под контролем партии. Однако различий было больше, и носили они принципиальный характер. Позиция В. Г. Кнорина, высказанная им в статье под красноречивым названием «Мертвый хватает живого», основывалась на пролеткультовской идее о невозможности использования ранее накопленного культурного опыта. В. Г. Кнорин при-

ветствовал выход поэмы М. Чарота, считая, что она является свидетельством разрыва автора с возрожденческими культурными традициями. Он считал «Босых на вогнишчы» первым настоящим пролетарским произведением в белорусской литературе. В своей статье В. Г. Кнорин настаивал на необходимости радикальной переделки духовного и культурного опыта белорусского крестьянства в духе пролетарской идеологии. Особенно непримиримую позицию, по мнению В. Г. Кнорина, партия должна занять по отношению к возрожденческим традициям в культуре Беларуси. Другие подходы, не совпадавшие с его взглядами, объявлялись националистическими, ведущими к «соглашателству на фронте культурного творчества», и даже, в полемическом задоре, приравнивались к политическому предательству.

Эти обвинения прежде всего относились к В. М. Игнатовскому, который высказывал свое понимание путей развития белорусской художественной культуры в брошюре «Матывы лірыкі беларускага песьняра М. Чарота». Непременным условием успешного развития белорусской культуры в новых социальных обстоятельствах В. М. Игнатовский считал сохранение национальных традиций, привлечение и использование опыта и знаний национальной интеллигенции. Называя М. Чарота — представителя нового послереволюционного поколения литераторов — «пролетарско-крестьянским поэтом-возрожденцем», Игнатовский подчеркивал преемственность культурных процессов и традиций, которые должны были стать основой культурной политики.

Принадлежность оппонентов к высшим структурам политической власти (В. Г. Кнорин — секретарь ЦБ КП(б)Б, В. М. Игнатовский — нарком просвещения республики) выводило дискуссию за рамки частного мнения и превращало ее выводы в принципы, которые определяли и направляли в начале 20-х годов политику в сфере художественной культуры.

Непростой была ситуация и в самой белорусской литературе. В этот период доминирующее положение занимало течение, тесно связанное с национально-возрожденческим движением. Его представляли писатели, начинавшие свой путь в литературе на страницах «Нашай Нівы»: Я. Колас, Я. Купала, М. Горецкий, Зм. Бядуля и др. Параллельно с этим направлением в начале 20-х годов в белорусской литературе развивалось новое течение, причудливо сочетавшее возрожденческие идейно-художественные принципы с революционно-коммунистической фразеологией. Его представители, молодые писатели и поэты преимущественно крестьянского происхождения (М. Чарот, А. Дудар, А. Александрович, Я. Пуца и др.), принимали участие как в революционных событиях, так и в национально-культурной работе. Стремясь утвердиться в литературе, они резко выступали против породившего их «возрожденчества» и «старых» писателей, которых считали неспособными отразить пафос революционных перемен.

Пролеткультовские настроения, распространенные в среде

литературной молодежи, были близки тогдашнему руководству КП(б)Б. Отрицательное отношение к культурному наследию рассматривалось как верный путь к формированию в белорусской литературе пролетарского направления, в наибольшей степени пригодного для агитационно-пропагандистской работы в массах. С другой стороны, руководство республиканского Наркомпроса, не отрицая необходимости пролетаризации белорусской литературы, считало возможным в целях сохранения преемственности литературного процесса использовать революционно-демократическое литературное наследие для возрождения белорусской культуры на советской основе.

Эту позицию руководства народного комиссариата просвещения БССР разделяла белорусская интеллигенция, представленная в его различных структурах. Так, в 1921 году Я. Лёсик, Я. Купала, С. Некрашевич были членами научно-литературной коллегии Наркомпроса, которая ведала изданием белорусской литературы, определяла тираж и размер гонорара авторам. Деятельность коллегии носила ярко выраженную национально-демократическую направленность. К изданию рекомендовались пьесы В. Голубка, переводы Ф. Ждановича, рассказы и хрестоматия Я. Лёсика, грамматика Б. Тарашкевича, учебник истории В. М. Игнатовского, произведения Я. Купалы, Т. Гартного, Зм. Бядули. Научно-литературный отдел Академического центра Наркомпроса издавал журнал «Вольны сыят» (сентябрь 1920 — январь 1922 г.), постоянными авторами которого были Я. Купала, Зм. Бядуля, М. Чарот и др.

Советская литературная политика подразумевала, что художественное творчество должно быть управляемым. Главным инструментом руководства литературным процессом была цензура. В 1922 — 1923 годах в БССР было создано Главное управление по делам литературы и издательств (Главлит), в обязанность которого входило осуществление предупредительного и репрессивного контроля за печатной продукцией. Главлит давал политическую оценку литературным произведениям, на основе которой принималось решение о возможности выхода их в печать и устанавливался тираж. Совместно с органами политконтроля ГПУ представители Главлита составляли списки разрешенных и запрещенных к распространению печатных изданий. При Главлите был создан институт политредакторов, которые контролировали содержание материалов, предназначенных к печати, непосредственно в редакциях газет и журналов.

Судя по опубликованным протоколам Главлита начала 20-х годов, цензурные запреты распространялись на произведения поэтов и писателей, продолжавших традиции «Нашей Нивы», а также на художественную продукцию, в которой проявлялись элементы религиозного сознания. После изъятий, часто довольно значительных, тексты чаще всего допускались к печати. Так было с учебниками Лёсика, произведениями Я. Купалы, Я. Коласа, М. Зарецкого.

Важной предпосылкой для дальнейшего развития литературного процесса в БССР было создание в 1922 году издательского центра «Савецкая Беларусь». Его план утверждался Агитпропом ЦБ КП(б)Б. Правление возглавил Зм. Жилунович. В осуществлении культурной политики особое значение придавалось журналу «Полымя», который, по замыслу ЦБ КП(б)Б должен был консолидировать литературные силы Беларуси на советской платформе.

В то же время партийное руководство пресекало любую попытку деятелей культуры утвердить свою самостоятельность. Особенно ярко это проявилось по отношению к группе писателей и поэтов (Зм. Жилунович, М. Чарот, Я. Нёманский, Я. Купала, А. Александрович, П. Ильючонок, С. Некрашевич, А. Смолич, А. Демидович, Н. Пономарева), которые в начале декабря 1922 года в соответствии с установленным порядком, но без согласия ЦБ КП(б)Б, попытались создать литературное общество под названием «Вір». Организация, как указывалось в уставе, должна была содействовать принятию белорусскими писателями советской действительности и отражению ее в творчестве. Ввиду того, что учредители — коммунисты Зм. Жилунович и М. Чарот — не имели официального разрешения ЦБ КП(б)Б на создание литературного общества, документы, пройдя несколько инстанций НКВД и ГПУ, были переданы на рассмотрение в Центральную контрольную комиссию (ЦКК) КП(б)Б. Секретный отдел ГПУ дополнил материалы дела политическими характеристиками на членов-учредителей. Практически все они были окрещены политически неблагонадежными лицами постэсеровской ориентации. 10 января 1923 года ЦКК КП(б)Б передала дело об обществе «Вір» для окончательного решения в ЦБ КП(б)Б. В итоге литературная организация под таким названием в БССР так и не появилась.

Обострившаяся в первые годы нэпа проблема сохранения и расширения идеологического влияния партии большевиков на массы заставила ее руководство обратить особое внимание на художественную литературу. Осенью 1923 года по инициативе ЦБ КСМБ началось издание молодежного журнала «Маладняк». Этот журнал предназначался для политико-просветительской и агитационной работы среди сельской молодежи, должен был сплотить вокруг себя молодых литераторов, уже заявивших о себе, но не имевших возможности регулярно печататься. В задачу журнала входило также воспитание их в пролетарском духе.

В 1922 — 1923 годах среди писательской молодежи наметилось стремление к консолидации. Практическую работу в этом направлении активно поддерживал заведующий литературным отделом газеты «Савецкая Беларусь» Зм. Бядуля, ставший инициатором основания секции белорусских поэтов и писателей при Доме работников просвещения. Процесс создания молодежной литературной организации продолжался более года. Только в ноябре 1923 года при поддержке ЦБ КП(б)Б и активном содей-

ствии ЦБ КСМБ сформировалась литературная организация «Маладняк», основателями которой были члены редколлегии журнала «Маладняк» и его постоянные авторы М. Чарот, А. Вольный, А. Дудар, А. Александрович, А. Бабарека, Я. Пуца. Группа ориентировалась на аналогичные российские и украинские организации пролетарских писателей — «Молодая гвардия», «Кузница», «Плуг», «Гарт» и др. На первых порах организационно «Маладняк» входил в состав Инбелкульта на правах секции и через него финансировался из резервного фонда СНК БССР. В начальный период «Маладняк» ограничил свою деятельность проведением литературных вечеров для знакомства широких кругов общественности с белорусской литературой и искусством. В течение 1923 — 1924 годов складывалась его структура, на местах возникли отделения, сформировался аппарат управления (главный орган — Президиум, а с февраля 1925 г. — Центральное Бюро), институт членов и кандидатов в члены. С мая 1924 года «Маладняк» стал называться Всебелорусским объединением поэтов и писателей.

«Маладняк» с самого начала представлял в своих рядах литераторов двух направлений, различавшихся идейной и художественной ориентацией. Сторонников быстрой пролетаризации белорусской литературы, злоупотреблявших ультрареволюционной фразеологией, критика назвала «бурапенцами». Им противопоставлялись «оживленцы», стремившиеся соединить национальную белорусскую культуру со всемирной, общечеловеческой. Они полагали, что это возможно при условии постоянного творческого роста членов литературного объединения. Лидер этого направления В. Дубовка отмечал: «Маладняк» целиком не заменил стариков. «Маладняк» заменил их только идеологически. Этого мало. Наша задача работать над собой, работать, чтобы по-настоящему заменить старую литературу новой». Несмотря на разногласия, представители обоих течений дружно критиковали, не всегда в корректной форме, писателей старшего поколения, отношения с которыми часто приобретали характер взаимной вражды.

Позицию партии выразил В. М. Игнатовский, выступавший на пленуме ЦБ «Маладняка» (февраль 1925 г.) от имени ЦК КП(б)Б. Указав на отсутствие «настоящих пролетарских писателей в белорусской литературе», он отметил существование тесной связи «маладняковцев» с «возрожденчеством». В. М. Игнатовский призывал молодежь к сотрудничеству с представителями национально-демократического направления в белорусской литературе.

Следует отметить, что ЦК КП(б)Б не столько придавал значение литературной активности «Маладняка», сколько стремился использовать его как «социально-культурное течение» с большим агитационно-пропагандистским потенциалом. Эта сторона деятельности «Маладняка» вызывала особый интерес в условиях начавшейся белорусизации. В Калининском округе (админи-

стративный центр — город Климовичи), например, Окружной комитет КП(б)Б проводил мероприятия с целью популяризации «Маладняка» среди партийно-комсомольского и профсоюзного актива, местной интеллигенции, молодежи, военных и т. д. В декабре 1924 года в Минске и уездах по инициативе ЦК ЛКСМБ была организована агитационно-пропагандистская кампания, приуроченная к годовщине образования «Маладняка». В свою очередь руководство «Маладняка» уделяло внимание не столько воспитанию писательских кадров, сколько общественной и агитационно-пропагандистской деятельности среди населения.

С середины 20-х годов партийно-государственные структуры стали проявлять повышенное внимание к духовной жизни общества, что нашло выражение в усилении идеологического и административного контроля над всеми отраслями художественной культуры.

В 1924 году первым секретарем ЦК КП(б)Б был назначен А. И. Криницкий. Он стал знаковой фигурой в политической и культурной жизни БССР середины 20-х годов. С его приходом укрепилась и получила развитие авторитарно-бюрократическая тенденция в культурной политике КП(б)Б, стало практиковаться более жесткое отношение к национальной интеллигенции. Криницкий принадлежал к той части руководителей партийно-государственного аппарата БССР, которая рассматривала национальную культуру как инструмент для укрепления политического режима. «Белорусская культура должна развиваться как пролетарская по содержанию; — убеждал он, — то есть направленная на укрепление дела диктатуры пролетариата, дела развития социалистического строительства. В этом смысле содержание белорусской культуры является по существу сходным с содержанием культуры и украинской, и русской». В отличие от своих предшественников на посту первого секретаря ЦК КП(б)Б, А. И. Криницкий много внимания уделял вопросам партийного руководства сферой художественной культуры. Особенно пристально он следил за литературной жизнью в Беларуси. На январском пленуме ЦК КП(б)Б (1925 г.) он прямо заявил о необходимости оказывать первоочередную помощь и поддержку тем течениям в белорусской литературе, которые были наиболее близки к советской власти и коммунистической партии.

В первой половине 1925 года взаимоотношения между руководством КП(б)Б и «Маладняком» оживляются. Другие литературные группы — еврейская «Юнгер Арбейтер» и созданная в марте 1925 года рабочими витебской окружной газеты «Звено» — в литературной жизни республики занимали весьма скромное место и в этот период интереса не вызывали. Кроме того, партийное руководство слабо ориентировалось в литературной жизни республики и о положении в художественной литературе имело весьма туманное представление. В этом отношении показательно, что при рассмотрении на заседании коллегии Агитпропотдела Витебского ОК КП(б)Б 16 марта 1925 года доклада литера-

турной группы «Звено» выяснилось, что никто из ответственных работников не знаком с ее деятельностью. Чтобы восполнить этот пробел, в августе 1925 года была создана комиссия по подготовке для бюро ЦК доклада о литературных группах Беларуси.

В феврале-марте 1925 года по поручению секретариата и бюро ЦК КП(б)Б была сформирована комиссия из представителей ЦК КП(б)Б, ЦК ЛКСМБ, Инбелъкульта. Комиссия потребовала от комфракции литературного объединения «Маладняк» представить в бюро ЦК четкую литературно-политическую платформу. Руководство организации отреагировало очень оперативно. В мартовском номере журнала «Маладняк» был опубликован документ программного характера под названием «Вместо декларации». Немного позже появился проект устава объединения. «Маладняковцы» заявили, что их цель — «объединить и вырастить писателей с пролетарской и бедняцко-крестьянской идеологией, которые своими произведениями распространяли бы коммунистическую культуру в Беларуси на основе политики компартии и культурработы». Идеологическая платформа «Маладняка» была сформулирована следующим образом: осуществление в белорусской художественной литературе идей материализма, марксизма и ленинизма. В качестве основного творческого метода декларация называла реализм.

Принятие «Маладняком» литературно-политической платформы, отвечающей идеологическим задачам партии, позволило ЦК КП(б)Б определить свое отношение к этой литературной организации. В приветствии пленуму Центрального бюро «Маладняка» (21 — 23 марта 1925 г.) подчеркивалось, что партия видит «Маладняк» активным участником в деле строительства белорусской культуры», обещает всестороннюю поддержку, но требует «умелого использования» достижений «старой культуры» и создания таких произведений, которые будут доступными и понятными самым широким народным слоям.

30 сентября 1925 года в структуре ЦК КП(б)Б была создана литературная комиссия, которая осуществляла связь между руководящими партийными органами и литературными организациями. В связи с этим общее идеологическое руководство «Маладняком» перешло от ЦК ЛКСМБ к литературной комиссии. Отделения «Маладняка» на местах переходили в ведение агитационно-пропагандистских отделов Окружкомов КП(б)Б. Для усиления контроля за общественно-литературной деятельностью «Маладняка» и для поднятия его престижа одноименный журнал получал статус органа ЦК КП(б)Б и ЦК ЛКСМБ. Одновременно складывалась обратная связь: по всем вопросам члены литературной организации могли обращаться в парткомы, комитеты комсомола на местах, а через Центральное бюро «Маладняка» — и в центральные партийные и государственные органы.

Структура «Маладняка» создавала реальные предпосылки для объединения вокруг него различных литературных групп и формирования единой литературной организации с национальными

ми секциями. Эта идея была высказана на пленуме ЦБ «Маладняка» весной 1925 года. Вскоре она была реализована на практике. При поддержке литературной комиссии отдела печати ЦК КП(б)Б минская группа русскоязычных писателей вошла в состав «Маладняка» на правах секции. Однако вскоре из-за острых разногласий по организационным вопросам между ней и группой, которую возглавляли А. Дудар, М. Чарот, А. Вольный, А. Бабарека, М. Зарецкий, А. Александрович, В. Дубовка, русская секция заявила о своем выходе из объединения. Она стала ядром литературной организации «Звенья», объединившей русскоязычных писателей Витебска, Минска, Полоцка и Могилева. Еврейские писатели из «Юнгер Арбейтер» и немногочисленная польская группа вообще не ставили вопроса о вступлении в «Маладняк». Исходя из сложившейся ситуации, литературная комиссия высказалась за создание новой организации — Всебелорусского союза рабоче-крестьянских писателей как аналога российских ВАПП и МАПП. С осени 1925 года идея единой наднациональной литературной организации пролетарского толка стала доминирующей в литературной политике КП(б)Б. Пройдя в своем развитии несколько этапов, она была реализована в 1928 году в Белорусской Ассоциации Пролетарских Писателей (БелАПП).

Влияние национально ориентированных культурных сил на государственную политику в сфере художественной культуры осуществлялось, главным образом, через учреждения, находившиеся в ведении Наркомата просвещения: Инбелкульт, Белорусское государственное издательство (образовано в 1924 г.), Белгосиздательство, вокруг которого его заведующему Зм. Жилуновичу удалось собрать наиболее квалифицированных представителей национально-демократической интеллигенции, очень быстро развернуло издание учебной и художественной литературы на белорусском языке. По поводу кадровой политики в издательстве Жилуновича неоднократно предупреждали в Минском ОК КП(б)Б. Издательская политика Белгосиздата была направлена на популяризацию и распространение лучших образцов белорусской художественной литературы, прежде всего произведений Я. Купалы и Я. Коласа, что поддерживали заместитель Наркомата просвещения А. Балицкий (с 1926 г. — нарком просвещения) и председатель СНК БССР И. Адамович. Из-за художественного несовершенства меньше печатались, а иногда и вовсе отклонялись, произведения «маладняковцев», о чем последние возмущенно заявляли как о проявлении борьбы «старой» «академической» культуры против «новой» пролетарской. Такая ориентация издательства сохранилась и при преемнике Зм. Жилуновича И. Шипилло (с 1927 г.).

На протяжении 1925 — 1926 годов в ЦК КП(б)Б осуществлялось формирование новых подходов к литературно-художественной политике. Опираясь на тезис Сталина о приоритете социального содержания культуры над национальной формой,

вошедший в политический обиход с 1925 года, А. И. Криницкий в статьях и выступлениях по существу подверг ревизии национально-культурную политику КП(б)Б предыдущего периода. Внимание к проблемам национальной культуры, ставшее стержнем политики белорусизации, он трактовал как «культурнический уклон». А. И. Криницкий считал, что «белорусской» по содержанию, по общему направлению культура быть не должна, ибо это, по его мнению, «означало бы развивать ее не по руслу пролетарской культуры, не в сторону укрепления дела рабочего класса, его руководства крестьянством; это значило бы направлять все развитие культуры по мелкобуржуазному руслу, в национально-демократическом направлении». Таким образом, под «национал-демократизмом» Криницкий понимал стремление ставить национальные интересы выше классовых.

Не отказываясь от сотрудничества с интеллигенцией, А. И. Криницкий считал необходимым разделить ее на группы по степени приближенности к партии и ее политике. В первую, наиболее благонадежную, входили интеллигенты-члены КП(б)Б и КСМ. Ко второй группе были отнесены те, кто признавал политику партии и стремился ей следовать, но допускал элементы инакомыслия, особенно по национально-культурной проблематике. Третью группу составляла лояльная к советской власти национальная интеллигенция, стоявшая на национально-демократической платформе. Эта группа интеллигенции квалифицировалась как соперник КП(б)Б в борьбе за влияние на национальную культуру. Названная «лояльной» в сентябре 1925 года, в марте 1926-го она характеризовалась как «активно враждебная», маскирующаяся зачастую показной советской лояльностью».

Эти идеи получили развитие в выступлении А. И. Криницкого на собрании членов бюро ячеек минской партийной организации 18 сентября 1925 года. Его доклад вызвал неоднозначную реакцию как у актива КП(б)Б, так и в среде творческой интеллигенции. Основным оппонентом А. И. Криницкого стал председатель СНК БССР И. А. Адамович, считавший, что успех культурного развития республики зависит от совместной работы власти и всех слоев интеллигенции. Его позицию открыто поддерживали коммунисты-белорусы А. И. Балицкий, Б. И. Стасевич, А. Ф. Адамович, И. А. Василевич, Зм. Ф. Жилунович.

Несогласие с основными положениями доклада Криницкого высказали члены ЦБ «Маладняка» А. Ажгирей (А. Вольный), А. Александрович, М. Зарецкий. 12 октября 1925 года они написали в бюро ЦК КП(б)Б закрытое письмо, в котором возражали против тезиса о мелкобуржуазном характере белорусской интеллигенции, работавшей в учреждениях культуры. Они обращали внимание на враждебное отношение к «Маладняку» заведующего отделом печати ЦК КП(б)Б В. А. Волынского, назвавшего его на заседании литературной комиссии «объединением мелкобуржуазным и кулацко-шовинистским». Отрицали «маладняковцы» и наличие «культурнического уклона» в национальной полити-

ке. При этом авторы письма указывали на крайне медленные, по их мнению, темпы развития белорусской культуры. Кроме того, они настаивали на праве писателя обращаться не только к общепролетарской тематике, но и к специфически национальным мотивам, понимая их как ступень к общечеловеческой культуре. Письмо «маладняковцев» обсуждалось 13 октября 1925 года на закрытом заседании бюро ЦК КП(б)Б. Оно побудило руководство КП(б)Б уточнить свое отношение к «Маладняку». На общем собрании актива минской городской партийной организации 15 октября А. И. Криницкий охарактеризовал «Маладняк» как «организацию неоднородную», состоящую как из последовательных сторонников линии партии, так и тех, кто «не отказываясь от целого ряда мелкобуржуазных уклонов», что, однако, не мешает считать эту литературную организацию наиболее близкой КП(б)Б.

На I съезде «Маладняка» (25 — 29 ноября 1925 г.) А. И. Криницкий сформулировал задачи по укреплению пролетарского состава группы с одновременным привлечением к сотрудничеству крестьянских писателей. При этом особо подчеркивалось, что «маладняковцы» должны принять активное участие в разоблачении носителей национально-демократической идеологии. На съезде первый секретарь ЦК КП(б)Б предпринял безуспешную попытку дискредитировать в глазах литературной молодежи национально-демократическую интеллигенцию в лице Я. Коласа, которому приписывалось участие в так называемой «листопадавщине» — деле, инспирированном ГПУ. (См.: Скаруліс С. «Лістападаўская справа» і Якуб Колас // «Полымя». 1992. №11. С. 217—233). Несмотря на отсутствие прямых доказательств участия Я. Коласа в деятельности «организации Листопада», от писателя требовали публичного признания о непричастности к ней. «Мы не думаем, что Колас находился с врагами, — сказал Криницкий на съезде. — Наш сторонник всегда найдет место для разного рода заявлений. Положение Коласа, с точки зрения общественного мнения, невозможное, и необходимо как можно скорее выбраться из него». На съезде «Маладняка» Криницкий добился включения в резолюцию заявления о полной поддержке членами этой организации политики КП(б)Б и обещания работать исключительно под партийным руководством. Не без его участия в резолюцию был включен пункт, где осуждалась позиция национально-демократической интеллигенции.

Несмотря на неоднократные попытки членов «Маладняка» доказать на съезде пролетарский характер организации, А. И. Криницкий не изменил своего высказанного ранее мнения об идейной неоднородности этого литературного объединения. На IX съезде КП(б)Б (8 — 12 декабря 1925 г.) он констатировал, что наряду с ростом «действительно левого крыла, наиболее близкого партии, в «Маладняке» имеются одиночки, линия которых расходится с пролетарской, партийной линией, и может быть, они когда-нибудь отпочкуются, создадут другую организацию».

Действительно, «Маладняк» переживал кризис, завершившийся весной 1926 года расколом организации. 26 мая В. Дубовка, Я. Пуца, К. Чорный, А. Бабарека и присоединившийся к ним Зм. Бядуля направили в бюро ЦК КП(б)Б письмо. В нем они объясняли причины своего выхода из «Маладняка» и обосновывали необходимость создания новой литературной организации. Эта часть «маладняковцев» считала, что с принятием в 1925 году резолюции ЦК РКП(б) «О политике партии в области художественной литературы» наступил новый этап в развитии советской литературы. Они имели в виду те пункты резолюции, где РКП(б) высказывалась в поддержку всех литературных течений, а также за свободное творческое соревнование как способ доказательства жизнеспособности литературных групп. Бывшие «маладняковцы» заявили об отказе от идеи массовой литературной организации, занимавшейся не столько творчеством, сколько политико-просветительской и агитационной работой. На первое место они выдвигали требование высокого художественного уровня произведений.

Вскоре из «Маладняка» вышли П. Глебка, К. Крапива, М. Лужанин, С. Серета, В. Шашалевич, Н. Чернушевич, А. Гурло. Это значительно ослабило объединение в творческом отношении. Версию о более глубокой причине кризиса и раскола в «Маладняке» предложил в 1933 году хорошо информированный о литературной жизни БССР А. Луцкевич. Он указал на стремление КП(б)Б вмешиваться в вопросы чисто литературного характера, что привело к выходу из «Маладняка» многих представителей национальной белорусской литературы.

Кризис в «Маладняке» выявил разные подходы партийно-государственного руководства республики к оценке его деятельности. Председатель СНК БССР И. А. Адамович, секретарь минского ОК КП(б)Б М. А. Акулик, второй секретарь ЦК КП(б)Б Н. М. Голодед сошлись во мнении, что «Маладняк» — лучшая форма организации, сочетающая литературную и политико-просветительскую работу.

Народный комиссар просвещения БССР А. И. Балицкий, председатель Инбелкульта В. М. Игнатовский и назначенный в конце 1925 года заведующим отделом печати ЦК КП(б)Б А. Ф. Адамович поддержали идею создания новой группы. Особенно горячо выступал за создание новой литературной группы А. Ф. Адамович, критично относившийся к «маладняковскому» творчеству и не одобрявший богемных настроений в организации. Считая размежевание литературных сил нормальным явлением, они рассматривали возникновение новой группы как фактор качественного улучшения и предпосылку дальнейшего развития белорусской литературы. А. Ф. Адамович в 1930 году так объяснил свою позицию: «Маладняк» ничего солидного пока не дал и при его положении вряд ли сможет дать, разговоры о пролетарской литературе есть, по сути дела, дело будущего. Сегодня нам важен рост вообще белорусской культуры, литературы, и потому, если новая организация дает вообще солидную продукцию,

то ее надо поддерживать» (НА РБ, ф. 15, оп. 28, д. 19, л. 46).

Летом 1926 года вопрос о расколе «Маладняка» и создании новой организации находился в центре внимания партийного и государственного руководства республики. Рассматривалась возможность примирения. Как докладывал в неофициальном письме отсутствовавшему в то время в Минске А. И. Криницкому М. Чарот, специально созданная комиссия из членов ЦК занималась поиском «более глубоких причин недоразумений», расколовших организацию. Судьба «Маладняка» решилась на двух заседаниях литературной комиссии ЦК КП(б)Б (31 июля и 4 августа 1926 г.), проходивших под председательством А. И. Криницкого. Опираясь на мнение членов литературной комиссии, бюро ЦК КП(б)Б 10 августа вынесло решение: позволить вышедшим из «Маладняка» писателям создать свою организацию. Новая литературная группа получила название «Узвышша». При этом предполагалось, что «Маладняк» и вышедшие из него литераторы будут по-прежнему печататься в одноименном журнале, что должно было служить гарантией сохранения стабильности и подконтрольности литературного процесса. Коллегия отдела печати ЦК КП(б)Б в начале августа 1926 года приняла решение, утвержденное секретариатом ЦК, о том, что «журнал «Маладняк» ни в коем случае не должен утратить свое лицо как орган ЦК КП(б)Б и ЦК ЛКСМБ и стать фактическим органом литературного объединения». Однако когда стало ясно, что отколовшаяся группа намерена создать собственный печатный орган, бюро ЦК 20 августа отменило решение коллегии отдела печати ЦК. С 1926 по 1928 год журнал был органом ЦБ «Маладняка», а с 1928 по 1932-й — БелАПП.

Литературно-политическая концепция КП(б)Б, сложившаяся к осени 1926 года, была закреплена в резолюции бюро ЦК от 26 августа, которая носила достаточно красноречивое название: «О положении в «Маладняке» и некоторых задачах в отношении его в связи с общей политикой партии в вопросах художественной литературы». Резолюция предполагала усиление партийного влияния в «Маладняке» и других объединениях. Она рекомендовала осторожное и тактичное содействие переходу литераторов, оставшихся вне организации, на позиции, приемлемые для партии. «Маладняк» признавался ведущей литературной организацией БССР.

Выход группы писателей из «Маладняка» оценивался в резолюции как факт положительный, свидетельствующий об освобождении его от непартийных элементов. Действительно, осенью 1926 года из 10 членов «Узвышша» только один был комсомольцем. Учитывая заявление членов «Узвышша» о готовности работать под руководством партии, бюро ЦК в отношении этой организации выбрало наиболее мягкую форму руководства, основанную на «прямой и спокойной критике» творчества ее представителей. Кроме того, партийное руководство литературной организацией, не имеющей ячеек КП(б)Б или

ЛКСМБ, осуществлялось через специально назначенного представителя ЦК Р. К. Шукевича-Третьякова.

Стремясь установить контроль над всей литературной жизнью республики, бюро ЦК поручило отделу печати создать третью литературную организацию, которая бы наряду с литераторами-коммунистами объединила беспартийных белорусских писателей старшего поколения. С этой же целью бюро ЦК КП(б)Б требовало ускорить создание Ассоциации рабочих и крестьянских писателей Беларуси.

С осени 1926 года принимались меры для приближения литературных групп национальных меньшинств к платформе «Маладняка». В сентябре литературная комиссия ЦК, рассмотрев вопрос о русской группе «Звенья» и еврейской «Юнгер Арбеттер», сделала вывод о близости их к пролетарскому направлению. Комиссия постановила оказывать им всестороннюю поддержку, прежде всего материальную, а также содействовать издательской деятельности. 30 сентября 1926 года секретариат ЦК КП(б)Б принял решение о субсидировании русской литературной группы «Звенья» в размере 5 тыс. руб. «Узвышша» на издание журнала получило дотацию в размере 4,5 тыс. руб.

Одновременно все явственнее становились разногласия в руководстве КП(б)Б по поводу направления развития, содержания и методов руководства художественной литературой. 21 декабря 1926 года на расширенном заседании литературной комиссии обсуждался вопрос «О политике партии в области художественной литературы». Основной доклад делал инструктор отдела печати ЦК КП(б)Б В. А. Сербенто. Вот некоторые выдержки из этого доклада «Я. Колас и Я. Купала — идеологи зажиточного крестьянства»; «у З. Бядули много довольно революционных произведений, но много мистики, пахнет крестьянской затхлостью»; «мотивы творчества Т. Гартного по преимуществу крестьянские со значительной долей идеализации деревни. Т. Гартный является наиболее близким к нам полутчиком». На эту последнюю фразу сам Зм. Жилунович (Тишка Гартный) ответил репликой: «К вам близким я не буду никогда». В таком же духе, руководствуясь вульгарно-социологическим методом, докладчик пытался оценить всю белорусскую художественную литературу. Доклад завершился крайне тенденциозным выводом о том, что «в настоящее время мы имеем в литературе упаднические направления национально-демократических тенденций», и требованиями «пересмотреть свое отношение даже к более близким к нам писателям». Докладчик призвал поддерживать «здоровую критику», а также ужесточить цензуру.

Такая характеристика положения в белорусской литературе вызвала резкое неприятие и возмущение присутствовавших на совещании Зм. Жилуновича, М. Зарецкого, Я. Лимановского, Р. К. Шукевича-Третьякова, А. Адамовича и др. В частности, М. Зарецкий после окончания доклада заметил: «Я думаю, что доклад т. Сербенто о контрреволюционности белорусской литера-

туры насколько юмористичен, настолько и не полон». Линию ЦК КП(б)Б на заседании комиссии проводил новый заведующий отделом печати А. А. Сенкевич. Он отчасти солидаризировался с докладчиком, призывая оценивать белорусскую литературу прежде всего с классовых позиций.

Дискуссия показала, что в этот период среди работников партийно-государственного аппарата, имеющих отношение к культурно-идеологическим вопросам, преобладал конструктивно-прогматический подход к литературно-художественным проблемам. Этот подход получил отражение в проекте резолюции «О политике партии в области художественной литературы». Документ разрабатывался на протяжении декабря 1926 — марта 1927 годов и сохранил концептуальную преемственность с августовской резолюцией, принятой в связи с расколом в «Маладняке». В резолюции 1927 года особо подчеркивалась продолжавшая оставаться актуальной для КП(б)Б задача: «усилить свое влияние и осуществить гегемонию на культурном фронте в целом и в области художественной литературы в частности». ЦК КП(б)Б в этом документе признал, что в силу социально-экономических и исторических особенностей развития Беларуси, непролетарские течения в литературе продолжают оставаться важным фактором ее существования. В силу этого резолюция призвала литераторов ориентироваться на идейно-эстетическую платформу «Маладняка», члены которого давали литературную продукцию партийной направленности. ЦК КП(б)Б не отрицал возможности сотрудничать и с группой «Узвышша», несмотря на идеологические отклонения, проявляющиеся в произведениях писателей этой организации. В качестве таких отклонений были названы индивидуализм, преобладание национальной тематики, приверженность идее бесклассовости искусства и т. п. Творческую деятельность членов «Узвышша» предполагалось корректировать критикой и воспитательной работой. Таким образом, основная ставка делалась на молодое поколение белорусских писателей и поэтов.

В то же время в политике ЦК КП(б)Б проявилась благожелательность в отношении к писателям старшего поколения. В октябре 1926 года постановлением СНК БССР Я. Коласу было присвоено звание народного поэта. Руководство КП(б)Б считало, что «авторитетная марксистская критика», реальные достижения в национальной политике помогут старшему поколению белорусских писателей, отнесенных к категории «попутчиков», «изжить национально-демократические настроения и стать на точку зрения пролетарской идеологии». С этой целью предполагалось создать Всебелорусскую федерацию советских писателей. Эта организация должна была консолидировать писателей Беларуси всех национальностей на общей идеологической платформе, близкой к пролетарской, а в перспективе — войти во Всесоюзную федерацию литературных организаций. Учитывая это обстоятельство, все течения в белорусской литературе признавались в равной мере пригодными для сотрудничества с КП(б)Б.

Эта точка зрения была закреплена в статьях, выступлениях, докладах многих партийных и государственных деятелей, посвященных развитию белорусской литературы.

Однако у части руководства КП(б)Б были другие взгляды по этому вопросу. Наиболее последовательно их отстаивал заведующий Агитпропотделом ЦК М. П. Абрамчук. Он заявлял о том, что на фоне нэпа «начинают группироваться антисоциалистические элементы», которые проявляются в виде новых литературных течений. В своем обращении к «Маладняку» М. П. Абрамчук призвал его «вести борьбу с враждебными влияниями в литературе». В данном случае он имел в виду «Узвышша».

Эта установка на разжигание борьбы в сфере белорусской культуры находила отклик в литературной среде. Осенью 1926 — 1927 годов обострилась групповая литературная борьба, в ходе которой «Маладняк» обвинил членов литературного объединения «Узвышша» в аполитичности, упадничестве, мелкобуржуазности. В ответ на эту критику члены «Узвышша», указывая «маладняковцам» на их творческую несостоятельность, не без сарказма замечали: «Создавайте публицистику, если нет способности создавать искусство».

Предпринятый в ноябре 1926 года отделом печати ЦК КП(б)Б опрос литературных групп на предмет целесообразности создания Всебелорусской федерации писателей (ВФП) дал неоднозначный результат: за вхождение в федерацию высказались «Маладняк» и «Звенья». «Юнгер Арбейтер» и «Узвышша» от прямого ответа уклонились. Тем не менее предпринимались шаги для объединения литературных организаций во Всебелорусскую федерацию. С этой целью в марте 1927 года была сформирована комиссия во главе с Зм. Жилуновичем. В ее состав вошли Я. Купала, Я. Колас, А. Бабарека, А. Гольдберг, Б. Оршанский, А. Вольный, А. Сенкевич. Согласно уставу, членство в Федерации было коллективным и индивидуальным, поэтому в ней оказались как целые литературные группы («Маладняк», «Юнгер Арбейтер», «Звенья», «Минский перевал»), так и отдельные писатели (Я. Колас, Я. Купала и др.).

Региональные отделения перечисленных организаций автоматически становились членами федерации. На этой основе в декабре 1926 года, например, все литературные силы Гомельщины (Полесская ассоциация пролетарских писателей, отделение «Маладняка», литературный кружок при Еврейском техникуме и литераторы-одиночки) по решению бюро Гомельского ОК КП(б)Б объединились в филиал, ставший местным отделением ВФП.

Разнородность состава, различное понимание задач федерации predeterminedелили ее недолговечность. В конце 1927 года ВФП прекратила существование. Определенную роль в неудаче с ВФП сыграла смена в апреле 1927 года первого секретаря ЦК КП(б)Б. А. И. Криницкий, лично занимавшийся проблемами организации литературной жизни, был отозван в Москву. На его место

был назначен В. Г. Кнорин, не являвшийся сторонником столь жесткого контроля за художественной сферой.

Не способствовала консолидации писателей и бурная литературная жизнь 1926 — 1927 годов. В этот период несколько групп молодых литераторов периодически заявляли о выходе из «Маладняка». Они пытались создать свои литературные группы, оказавшиеся недолговечными: «Пробліск» (апрель 1927 — январь 1928 гг.), «Беларуская літаратурна-мастацкая камуна» (сентябрь 1927 — апрель 1928 гг.). Всплеск литературной борьбы вызвал раскол в группе «Звенья». Сохраняя нейтралитет в литературной борьбе и не препятствуя размежеванию литературных сил в центре, руководство КП(б)Б решительно пресекало попытки сепаратизма в местных отделениях «Маладняка». Так, в январе 1927 года решением бюро Калининского ОК КП(б)Б была запрещена созданная в Мстиславле по инициативе молодых литераторов-«маладняковцев», учащихся педагогического техникума Ю. Таубина и Зм. Астапенко, группа «Агняцвет». Представители Калининского ОК и Мстиславльского РК КП(б)Б, расследовавшие это дело безуспешно пытались найти в нем политическую подоплеку и обнаружить связь с группой «Узвышша».

Осложнение литературно-политической ситуации завершилось выходом из «Маладняка» в декабре 1927 года ведущих писателей этой группы М. Чарота, А. Александровича, А. Дудара и М. Зарецкого. Это способствовало тому, что руководство КП(б)Б вернулось к идее создания сильной литературной организации, в которую могли бы войти представители старшего поколения белорусских писателей. 29 декабря 1927 года бюро ЦК постановило согласиться с организацией новой литературной группы «Полымя». В нее вошли Я. Купала, Я. Колас, М. Громыко, В. Голубок, М. Пиотухович, А. Гурло, Зм. Жилунович, а также покинувшие «Маладняка» М. Чарот, А. Дудар, М. Зарецкий, А. Александрович. Отношение руководства КП(б)Б к возникновению «Полымя» пояснил заведующий отделом печати ЦК А. Сенкевич, указав, что «это объединение части «маладняковцев» со старыми нашими литераторами является положительным фактом в нашей литературной жизни». Образование группы «Полымя» в некоторой степени стабилизировало острую ситуацию в литературной жизни республики. Несмотря на весьма неоднородный во всех отношениях состав, «Полымя», по отзывам современников, отличалось сплоченностью и отсутствием обычных в литературной среде склок. Заслуга в этом принадлежала фактическому руководителю группы Зм. Жилуновичу, который пользовался непререкаемым авторитетом. «Полымя» стремилось проводить самостоятельную линию не только в литературе, но и в общественно-политической жизни. Так, в начале 1927 года «полымянцы» пытались, правда, безуспешно, ходатайствовать об освобождении арестованного по обвинению в контрреволюционной деятельности драматурга Ф. Алехновича. Они демонстративно проигнорировали встречу М. Горького, который в мае 1928 года

возвращался в СССР из-за границы. Та же история повторилась в следующем году, когда в БССР проводилось его чествование. Позже Зм. Жилунович объяснял такое непочтительное отношение к «главному пролетарскому писателю СССР» тем, что Горький ни разу официально не высказал своего мнения о белорусской литературе. При этом Зм. Жилунович высоко оценивал творчество этого писателя.

Между тем общественно-политическая ситуация в стране претерпевала изменения. В декабре 1927 года XV съезд ВКП(б) определил курс на развертывание культурной революции. Перед партийными организациями была поставлена задача активизировать борьбу с инакомыслием в сфере художественной культуры. Основной задачей литературной политики становится создание условий для гегемонии пролетарской литературы. Несмотря на неоднократные заявления о сохранении нейтралитета в межгрупповой литературной борьбе, партия фактически приняла сторону «Маладняка». В январе 1928 года началась кампания критики творчества членов литературного объединения «Узвышша». Ее открыл заведующий отделом печати ЦК КП(б) А. Сенкевич в статье, которая была опубликована в газете «Звезда» 11 января 1928 года. Объектом резкой критики стали последние стихотворения Я. Пуци. А. Сенкевич сделал вывод о проявлении в творчестве поэта «кулацких и национал-демократических настроений». Этим был дан сигнал для серии нападков на творчество «узвыщенцев», сопровождавшихся обвинениями в отходе их от пролетарских позиций. С февраля 1928 года группа «Узвышша» стала считаться «попутнической». С этого времени кампании, направленные против отдельных писателей и целых групп, становятся неотъемлемой частью литературной политики КП(б)Б.

Стремясь усилить позиции ориентированного на партию пролетарского направления в белорусской литературе, руководство КП(б)Б содействовало установлению прочных контактов «Маладняка» со Всероссийской ассоциацией пролетарских писателей (ВАПП). Проходившая в феврале 1928 года Всебелорусская конференция «Маладняка» приняла решение о вхождении этой литературной организации в ВАПП. Следующим этапом должна была стать организация Белорусской ассоциации пролетарских писателей (БелАПП). Предстояло объединить все имеющиеся в БССР национальные литературные группы пролетарского направления — еврейскую, польскую, русскую и др.

Наряду с поддержкой пролетарского течения, руководство КП(б)Б стремилось использовать высокий творческий потенциал всей белорусской литературы: XI съезд КП(б)Б (ноябрь 1927 г.) констатировал, что в творчестве «старых» писателей произошел сдвиг в сторону принятия советской действительности. В связи с этим руководство КП(б)Б сочло целесообразным вмешаться в обострившуюся весной 1928 года литературную борьбу, которая зачастую перерастала в склоку с выпадами личного характера. Бюро ЦК КП(б)Б 30 марта 1928 года предложило всем

советским и партийным организациям, а также отдельным членам партии, так или иначе соприкасавшимся с литературными группами, сохранять в отношениях с ними объективность и не использовать служебного положения в литературных спорах. 9 апреля секретариат ЦК запретил организацию диспутов и публикацию в печати рецензий и критических обзоров, носящих групповой тенденциозный характер.

Заинтересованность КП(б)Б в развитии литературного процесса проявилась в программной статье В. Г. Кнорина «О решающих «мелочах» в большом вопросе», напечатанной в «Звезде» 19 апреля 1928 года. В ней говорилось о том, что партия рассматривает белорусскую литературу в качестве «крупнейшего фактора» в проведении политики белорусизации, внесении классового мировоззрения в сознание широких народных масс. В этой связи ЦК КП(б)Б был вынужден признать существование разных партийно-художественных тенденций в белорусской литературе. Апеллируя к лидерам соперничающих литературных групп, секретарь ЦК КП(б)Б В. Кнорин призвал их заняться популяризацией своего творчества в массах. При этом он добивался, чтобы писатели способствовали закреплению «пролетарского» варианта белорусизации. В. Кнорин выразил неудовлетворенность низким идеологическим уровнем художественных произведений. Перед литературой, так же, как и перед другими видами искусства, ставилась задача в ближайшее время перейти к актуально-политической тематике, что фактически означало превращение ее в инструмент пропаганды. Контроль за качеством выполнения социального заказа возлагался на марксистскую критику. Существующие кадры литературных критиков, по мнению В. Кнорина, допускали «крупнейшие антипролетарские ошибки», так как вместо классового анализа произведений рассматривали их эстетические достоинства, что не способствовало идейному воспитанию художественной интеллигенции. Предполагалось, что только марксистская литературная критика, стоящая над групповой борьбой, может направить литературный процесс в нужное партии русло. «Безжалостной», как писал Кнорин, критике подлежали проявления национально-демократической идеологии, которые он усматривал в обращении к историческому прошлому белорусского народа, его культурно-историческим традициям, национальным героям. «Пролетариат должен бороться против попыток перенесения этим путем буржуазных национальных элементов в новую пролетарскую культуру», — заявлял он.

Высказанные В. Г. Кнориным в статье положения были официально закреплены в постановлении ЦК КП(б)Б «О белорусской литературно-художественной критике» (26 мая 1928 г.). Постановление сформулировало культурно-политические задачи партии на новом этапе строительства социализма и потребовало от художественной культуры усиления политико-агитационной функции. Приведенный в постановлении перечень

проблем, подлежащих предпочтительному освоению («борьба за социалистическое общество, героика революции, процесс создания социалистического общества и нового человека»), был снабжен пояснениями, что они должны рассматриваться сквозь призму «социалистической сознательности и марксистского мировоззрения». Констатация несомненных успехов белорусской литературы тесно увязывалась с политическими успехами советской власти, дополнялась подтверждением прежнего курса на поддержку пролетарских и близких к ним писателей с одновременным развертыванием «решительной борьбы с проявлениями в литературе новобуржуазных и кулацких устремлений, упадничества и т. д.».

Указав на неудовлетворительное состояние белорусской литературно-художественной марксистской критики, ЦК КП(б)Б поставил задачу подготовить и сформировать группу критиков-марксистов из представителей творческой интеллигенции коммунистической ориентации, членов КП(б)Б, знакомых с культурной работой, рабкоров. Партийная установка сводилась к тому, что марксистская критика, основанная на классовом подходе, должна была стать эффективным средством воздействия на писателей и в целом на всю художественную интеллигенцию. В ее задачу входило определение полезности или враждебности того или иного произведения для пролетарской идеологии.

Наряду с усилением роли марксистской критики важным фактором идеологического контроля оставалась цензура, а также издательская и кадровая политика. Ключевым звеном в системе партийного контроля над сферой культуры являлся отдел печати ЦК КП(б)Б, который, помимо прямого представительства в составе коллегии Главлита, был по существу конечной инстанцией для разрешения многих спорных вопросов. Первоначально Главлит проводил достаточно осторожную цензурную политику. Упор делался, главным образом, на разъяснительно-воспитательную работу с авторами, многие произведения в переработанном виде допускались к печати. Безоговорочно запрещались публикации ярко выраженной национальной ориентации, которые квалифицировались как антипролетарские и антисоветские. В разряд националистических, шовинистических, упаднических попали и были запрещены стихотворения Я. Купалы «Чужым» и «Над Нёманам», Я. Коласа «Балцкі марш», басни К. Крапивы «Канцэрт» и «Бараны», некоторые произведения М. Горьцкого, Т. Кляшторного, В. Морякова и др. 30 марта 1928 года бюро ЦК КП(б)Б, заслушав отчет Главлита о работе, признало его цензурную политику «в основном правильной» и предложило продолжать линию на недопущение в литературу явно враждебных произведений и применение воспитательных методов к писателям с еще неоформленной идеологией». Указывалось также на необходимость чуткого отношения к отдельным ошибкам писателей.

С 1928 года четко обозначилась тенденция к усилению идео-

логического контроля над литературой. Это выразилось в пересмотре тематических планов издательств, а также кадровых чистках состава редколлежий. На редакторов издательств, журналов и газет возлагалась обязанность следить за соответствием содержания публикуемых материалов марксистской идеологии, проводить в связи с этим соответствующую разьяснительную работу с авторами, отклонять или перерабатывать неприемлемые в идеологическом отношении произведения.

Партийно-государственные структуры в целом осуществляли достаточно гибкую политику в отношении творческой интеллигенции. Их главной целью было добиться от писателей сознательного сотрудничества с советской властью. Этой цели служили меры морального поощрения. В конце 1927 — первой половине 1928 года постановлением СНК БССР от 5 декабря 1927 года были учреждены звания заслуженного работника искусств, а также народного поэта, артиста, художника «для выдающихся деятелей соответствующей области». Подобное постановление от 4 января 1928 года уравнивало в правах с рабочими представителей художественной интеллигенции и их детей при поступлении во все виды учебных заведений, на что раньше существовали социальные ограничения.

Наиболее известных представителей белорусской интеллигенции, имеющих авторитет среди белорусской зарубежной общности, привлекали для участия в политических кампаниях, рассчитанных на эффект в Западной Белоруссии и Польше. В марте 1928 года под контролем ЦК КП(б)Б была создана общественная организация «Комитет научных работников и писателей по защите Белорусской рабоче-крестьянской Громады», судебный процесс над членами которой в это время проходил в Польше. В Комитет входили Я. Купала, Я. Колас,

Зм. Жилунович, В. Игнатовский, М. Горецкий, С. Некрашевич, А. Смолич, Я. Лёсик, В. Ластовский, А. Цвикевич и др. Для организации кампании протеста в зарубежной прессе члены комитета Зм. Жилунович и С. Некрашевич с санкции ЦК КП(б)Б были командированы в Чехословакию, Германию и Австрию.

Привлечение белорусской интеллигенции к сотрудничеству сочеталось с постоянным наблюдением за политическими настроениями в ее среде, сбором компрометирующей информации, составлением политических характеристик. В одной из них, относящейся к 1928 году, взгляды Я. Купалы определялись как «левонароднический уклон», а относительно Я. Коласа был сделан вывод о его национал-демократической ориентации. На обоих известных писателей ответственные партийные работники, связанные с ГПУ (заведующий отделом печати ЦК КП(б)Б) А. Сенкевич, уполномоченный НКВД СССР при правительстве БССР А. Ф. Ульянов), пытались оказывать идеологическое давление, завуалированное под творческие советы.

С другой стороны, в среде белорусских писателей, особенно среди членов «Узвышша» и «Польмя», нарастали настроения ра-

зочарованности советской действительностью. Многие из них не были удовлетворены практикой проведения белорусизации. Это особенно ярко проявилось в творчестве М. Зарецкого, в его неоконченном романе «Крывічы» (фрагменты романа были напечатаны в журнале «Польмя» за 1929 г.). М. Зарецкий не принял большевистский прагматизм и остался в рядах духовной оппозиции партийной номенклатуре. Можно согласиться с выводом известного белорусского литературоведа М. Мушинского о том, что во второй половине 20-х годов в мироощущении и мировоззренческой позиции Зарецкого произошли сдвиги, суть которых «в решительном повороте писателя к национальной проблематике». Это было характерно и для других литераторов послеоктябрьского поколения, критически относившихся к процессам, происходившим в национальной художественной культуре.

Наиболее красноречиво позиция молодых писателей национальной ориентации проявилась в двух общественных акциях: «театральной дискуссии» и «письме трех».

М. Зарецкий и А. Дудар (под псевдонимом Т. Глыбоцкий) в ноябре 1928 года опубликовали ряд статей в газете «Савецкая Беларусь». Писатели критиковали репертуарную политику Белгоскино и белорусских театров за отрыв от национальной тематики, за ориентацию на советский репертуар столичных театров РСФСР. Основные идеи, изложенные в выступлениях М. Зарецкого и Т. Глыбоцкого, поддержал Зм. Жилунович. Театральная дискуссия по инициативе ЦК КП(б)Б переросла в политическую кампанию, направленную против инакомыслящей белорусской интеллигенции. 17 декабря 1928 года бюро ЦК утвердило постановление «Об итогах театральной дискуссии», в которой содержалась резкая критика взглядов Т. Глыбоцкого и Зм. Жилуновича на пути развития белорусского театра.

«Театральная дискуссия» еще продолжалась, а «Савецкая Беларусь» в номере от 4 декабря 1928 года поместила письмо трех писателей. Его авторы (А. Александрович, М. Зарецкий и А. Дудар) заявили о невозможности для себя продолжать учебу в БГУ, мотивируя это решение нежеланием мириться с неуважительным отношением к белорусской культуре и белорусским писателям. Проявление такого неуважения они усмотрели в одном из выпусков университетской стенной газеты, где были даны ироничные характеристики молодым белорусским литераторам. Кроме того, писатели надеялись своей публичной демонстрацией привлечь внимание общественности к недостаточным, с их точки зрения, темпам белорусизации университета. Комиссия ЦК КП(б)Б, занимавшаяся разбором этого дела (М. Зарецкий был членом КП(б)Б, А. Александрович — кандидатом в члены партии), сделала вывод о том, что публикация письма коммунистами совместно с беспартийным А. Дударом является «поступком антипартийным и актом политически вредным, сыгравшим на руку классовому врагу, отражающим чуждые пролетариату правые национал-демократические тенденции среди

некоторой части белорусских писателей». Инспирированная ЦК КП(б)Б шумная кампания, развернувшаяся в печати, тематически и идейно слившись с «театральной дискуссией», должна была убедить общественность в особой опасности национально-демократических тенденций в культурной сфере и в необходимости «решительного отпора» различным их проявлениям.

Одновременно, стремясь сохранить и без того немногочисленную группу писателей-коммунистов, посредством которых партия укрепляла свое влияние в литературе, второй секретарь ЦК КП(б)Б И. А. Василевич и заведующий Агитпропотделом ЦК Б. И. Стасевич содействовали максимальному смягчению наказания авторам «письма трех». Предполагавшееся исключение из партии было заменено строгим выговором. Руководство ЦК КП(б)Б потребовало от писателей публичного признания ошибочности своего поступка. Следует отметить, что организация публичных покаяний с конца 1928 года становится одним из воспитательно-профилактических методов воздействия на художественную интеллигенцию.

Критика идейных позиций белорусской художественной интеллигенции, в том числе и ее коммунистической верхушки, превратилась с осени 1928 года в неотъемлемую часть литературно-художественной политики КП(б)Б. Она сочеталась с мерами, направленными на поддержку и укрепление пролетарского течения в белорусской художественной культуре. Изменению расстановки сил в белорусской литературе в пользу пролетарского направления способствовало начавшееся весной 1928 года оформление новой литературной организации. ЦК КП(б)Б стремился разрушить сложившуюся в республике традицию объединения писателей по национальному признаку. При этом ставилась задача максимально сблизить идейно-политическую ориентацию членов творческих организаций с партийной линией. 17 октября 1928 года секретариат ЦК КП(б)Б рассмотрел и утвердил предложенную Временным бюро БелАПП программу съезда «Маладняка» и национальных секций, которому предстояло стать I съездом БелАПП (25-29 ноября 1928 г.). В ходе подготовки и на самом съезде выявилось, что в партийных и писательских кругах имеются серьезные разногласия по существенным вопросам: о месте и роли БелАПП в белорусской литературе и литературной политике КП(б)Б; о целесообразности вхождения в ВОАПП и возможных последствиях этого шага; о принципах образования БелАПП. На съезде, как и в театральной дискуссии, столкнулись взгляды национально ориентированных коммунистов и белорусской художественной интеллигенции, отстаивавших право белорусской литературы на самобытный путь развития, и поборников усиления ее интернационализации путем установления тесных связей в ВОАПП.

Против упразднения «Маладняка» выступила группа писателей-коммунистов, в том числе и Зм. Жилунович. Оставаясь в целом на партийной платформе, он не был последовательным

сторонником политического утилитаризма и «огосударствления» белорусской культуры административными методами. Этим объясняется его отказ готовить порученный ему секретариатом ЦК КП(б)Б основной доклад о состоянии современной белорусской литературы, который должен был обосновать необходимость БелАПП и вхождения ее в ВОАПП. На съезде он присоединился к бывшим «маладняковцам» А. Александровичу, М. Зарецкому, А. Дудару, вошедшим в группу «Польмя». Вместе с ними Зм. Ф. Жилунович открыто выразил сомнения в целесообразности создания на основе «Маладняка» новой творческой организации — БелАПП и включения ее в ВОАПП. Причины этих опасений, как разъяснил в своем выступлении М. Зарецкий, были вызваны вовсе не стремлением отгородиться от русской литературы, в чем его пытались обвинить, а сомнениями в способности ВОАПП, поглощенной борьбой с попутчиками, возглавить растущее стремление национальных литератур к творческим контактам. Кроме того, М. Зарецкий и его сторонники опасались, что в рамках ВОАПП, где руководящую роль играла РАПП, известная своими гегемонистскими устремлениями, белорусская литература утратит самостоятельность. Выражая недоверие будущему белапповскому руководству, М. Зарецкий саркастически заметил: «Дело не в том, что вас пустят в Москву на съезд, что вы там пробудете некоторое время. А дело в том, чтобы был другой взгляд на белорусскую литературу, чтобы белорусскую литературу считали равной с другими литературами».

Предостережение «польмянцев» не нашло понимания у делегатов съезда, которые, как отмечала «Звезда», «дали решительный отпор этой тенденции внести холодок во взаимоотношения между БелАПП и ВОАПП». Опасения М. Зарецкого вскоре оправдались. Уже в апреле 1929 года руководство БелАПП отмечало слабую связь и нерегулярный обмен информацией с ВОАПП.

На съезде БелАПП впервые открыто проявились существовавшие в аппарате ЦК КП(б)Б со времени образования группы «Польмя» (декабрь 1927 г.) разногласия относительно того, какая литературная организация БССР должна считаться ведущей. Выражая точку зрения коммунистов национальной белорусской ориентации, второй секретарь ЦК КП(б)Б И. А. Василевич в речи на открытии съезда на первое место в литературно-политической иерархии поставил объединение «Польмя», объясняя это тем, что в его составе находятся лидеры белорусской литературы из числа писателей старшего поколения, творчество которых признается «соответствующим пролетарской современности». «Маладняку», а следовательно, и БелАПП, он отводил роль вспомогательной литературной организации, являющейся резервом для пополнения писательских кадров из рабкоров, селькоров, рабочей и крестьянской молодежи, склонной к литературной деятельности.

В противовес этой неожиданной для многих позиции заведующий отделом печати ЦК КП(б)Б А. Сенкевич при активной

поддержке присутствовавших на съезде секретаря ВОАПП А. Селивановского и представителя РАПП В. Сутырина отстаивал ортодоксальный подход, в соответствии с которым БелАПП отводилась роль гегемона в белорусской литературе. Как показали дальнейшие события, ЦК КП(б)Б поддержал линию А. Сенкевича, одновременно уклонившись от оценки позиции второго секретаря ЦК.

Еще более острые разногласия вызвал решавшийся на конференции съезда вопрос о принципах организационного устройства БелАПП. Стремясь сохранить традиции «Маладняка» как многонациональной организации и свои позиции в нем, группа «маладняковцев» во главе с П. Галавачом, поддерживаемая заведующими Агитпропотделом ЦК КП(б)Б Б. И. Стасевичем, отстаивала федеративное устройство, при котором «Маладняк» и литературные группы национальных меньшинств, не утрачивая своих организационных структур, на равных правах входили бы в БелАПП. Понимая, что в этом случае БелАПП превратится в чисто формальное образование, ЦК КП(б)Б поддержал вариант создания ассоциации с единой системой управления. После ожесточенных дискуссий было решено вынести вопрос на рассмотрение бюро ЦК КП(б)Б. 29 ноября 1928 года партийное руководство одобрило создание БелАПП и вхождение его в ВОАПП. В постановлении подчеркивалась необходимость формирования единой организационной структуры — Правления и Секретариата. При этом специально оговаривалась обязательность соблюдения представительства в них национальных групп.

2 декабря 1928 года на первом заседании Секретариата БелАПП в присутствии представителей отдела печати и Агитпропотдела ЦК КП(б)Б был избран руководящий состав организации, которую возглавил Я. Лимановский. Следует отметить, что с самого начала руководство БелАПП работало в тесном контакте и под постоянным контролем отдела печати ЦК КП(б)Б. Туда обязательно представлялись копии всей важной исходящей документации (протоколы заседаний, официальные письма, планы и т. д.). В названии БелАПП слово «белорусская» означало не только территориальную и национальную принадлежность организации, так как на первую половину 1929 года из 115 членов 73 были белорусами и 42 представляли другие национальности. «Пролетарской» она именовалась не по составу (23 рабочих, 66 крестьян; 24 члена и кандидата в члены КП(б)Б, 22 комсомольца), а по идеологической направленности произведений ее членов. Ее деятельность с самого начала была сориентирована на выполнение партийного заказа, на усиление партийного влияния не только в художественной литературе, но и в других сферах белорусской культуры.

В конце 20-х — начале 30-х годов начался новый этап политического развития СССР, что повлекло за собой коренные изменения в содержании литературно-художественной политики. Партийный аппарат потребовал от представителей художественной культуры, как заметил известный русский историк П. Н.

Милюков, выполнения «усиленного заказа на революционный энтузиазм», на «социалистическое соревнование», наконец, прямого участия писателей в «борьбе за пятилетку». В связи с этим возрастали роль и влияние пролетарского направления в художественной культуре, в наибольшей степени пригодного для выполнения партийного заказа. Теперь партийное руководство уже не призывало к завоеванию пролетариатом гегемонии в сфере культуры, а требовало создать условия для гегемонии пролетарской культуры. Оно добивалось обеспечения господства официальной точки зрения в культурной сфере при помощи административных мер.

Создание БелАПП существенно изменило литературную жизнь республики. Кроме того, новая политическая ситуация требовала от КП(б)Б уточнения своего отношения к существующим литературным организациям. 4 января 1929 года бюро ЦК КП(б)Б поручило специальной комиссии подготовить вопрос «О положении художественной литературы в БССР». Перед комиссией была поставлена задача: «прояснить идеологическое направление, тенденции развития отдельных литературных групп и их творчество за последние 2 года». В подготовленной комиссией итоговой справке «О белорусской художественной литературе» отмечались как положительные, так и отрицательные, с официальной точки зрения, моменты в культурной жизни республики. В частности, выделялись такие положительные стороны развивающегося литературного процесса, как «рост кадров писателей и поэтов», в том числе увеличение доли «стоящих на пролетарской идеологии», появление «ценных по содержанию и литературной форме произведений», выдвижение творческой молодежи из рабоче-крестьянской среды. Но одновременно указывалось на нежелательные в идеологическом отношении проявления национального самосознания («театральные дискуссии», «письмо трех» и др.). Наиболее близкой к партии, ввиду ее выраженного пролетарского характера, признавалась БелАПП. В то же время комиссия отметила наличие в ее рядах «колеблющихся с крестьянскими настроениями, народническим уклоном членов». Следующей по степени приближенности к партии была признана группа «Полымя», охарактеризованная в справке как «наиболее сильная». Однако ЦК КП(б)Б имел претензии и к этой группе. В частности, отмечалось, что у организации «не совсем ясная» идеологическая платформа. Кроме того, указывалось на отдельные политические ошибки ее членов, социальную и идеологическую неоднородность состава. Все же, наличие коммунистического ядра, высокий уровень литературной квалификации, активный переход к советской тематике в творчестве, по мнению политического руководства республики, ставили «Полымя» в ряд литературных организаций, способных внести существенный вклад в строительство белорусской пролетарской культуры. Отношения идеологических органов КП(б)Б с группой «Полымя» осложнились после инцидента в конце 1928 года с А.

Дударом, написавшим резко антисоветское стихотворение «Пасекля наш край папалам...». За него после непродолжительного следствия, в начале 1929 года по постановлению Особого совещания при ОГПУ был выслан за пределы БССР как «социально-опасный элемент». Литературная организация публично отмежевалась от поступка своего члена и квалифицировала его «как чуждый, враждебный принципам объединения, настроениям и мыслям членов». Несмотря на это, партийная критика сделала группу и журнал «Польмя» (главный редактор Зм. Жилунович) объектом резких нападок. Партийная пресса обвиняла «Польмя» в недостаточно активной борьбе с национал-демократизмом; в оторванности от политико-идеологических требований партии.

Еще более сложно складывались отношения ЦК КП(б)Б с группой «Узвышша». Члены этой организации упорно не желали работать в режиме социального заказа. В их творчестве ярко проявлялись национальные черты. Все это вызывало у партийных идеологов сомнения в способности группы «создать пролетарскую литературу». «Узвышша» критиковали на разных уровнях: от белапповских критиков, обвинявших ее членов в принадлежности к кулацкому, мещанскому, буржуазно-националистическому течению, до председателя СНК БССР, указавшего на несоответствие художественного и общественного направления группы линии партии. В целях усиления партийного воздействия ЦК КП(б)Б предлагал прикрепить к группе «1—2 марксистско-грамотных и идеологически выдержанных партийцев» для постоянной работы с членами этой творческой организации.

В этот период партийные и государственные органы отдавали предпочтение критике как методу руководства художественной культурой. Важным средством контроля и руководства оставалась цензура, как прямая, через Главлит, так и предварительная — в редакциях издательств и журналов, которые, в свою очередь, находились под бдительным контролем партийного аппарата. Кроме того, непосредственное руководство творческими организациями осуществлялось через комфракции, доклады которых периодически заслушивались в ЦК и окружках КП(б)Б. Меры жесткого административного воздействия составляли пока исключение, тем более что отношение в партийно-государственном руководстве к ним было неоднозначное. Так, например, к аресту А. Дудара некоторые партийные и государственные руководители республики (заместитель наркома земледелия А. Ф. Адамович, второй секретарь ЦК КП(б)Б И. А. Василевич и др.) отнеслись отрицательно, считая эту меру слишком суровой. Одной из форм контроля за деятельностью писателей были секретные информационные обзоры, которые составлялись на основе анализа литературных произведений и регулярно представлялись в ЦК КП(б)Б. В этих обзорах, как правило, не только характеризовались политические настроения

творческой интеллигенции, но и формировались предложения по преодолению в ее среде идеологически нежелательных явлений.

Резкая смена политического курса в сфере культуры произошла в связи с предпринятым в 1929 году ЦК ВКП(б) исследованием практики проведения национальной работы Беларуси, материалы которого стали основой для разработки директивных решений в области национально-культурной политики в условиях развернутого строительства социализма. Направленную в БССР комиссию ЦК ВКП(б) возглавлял В. П. Затонский. Все факты и выводы комиссии, содержащиеся в итоговом докладе, были направлены на обоснование вывода о необходимости коренного пересмотра белорусской парторганизацией практического осуществления национально-культурной политики в республике. Жесткой критике была подвергнута деятельность национально ориентированных коммунистов и национальной интеллигенции.

Несмотря на то, что по результатам работы комиссии Затонского не было принято какого-либо решения, выводы, содержащиеся в докладе ее председателя, обусловили коренные изменения в национально-культурной политике КП(б)Б.

Литературную политику в БССР стали определять два момента: общественно-политическая кампания, направленная на «пролетаризацию» белорусской литературы, и сопутствующая ей борьба с национально-демократической идеологией. Следует заметить, что в это время оценки национал-демократизма ужесточились. Со второй половины 1929 года это понятие в партийных документах и материалах печати приобрело злобное значение. Под национал-демократизмом теперь понималась антисоветская деятельность, направленная на реставрацию буржуазного строя в Беларуси и опирающаяся на помощь реакционных националистических кругов Польши.

Ведущую роль в борьбе за гегемонию пролетарской литературы партийно-государственный аппарат отводил БелАПП. Руководство этой творческой организации выразило полную готовность стать в БССР орудием партии в борьбе за «пролетаризацию» литературы. Учитывая это, ЦК КП(б)Б предоставил ей свободу действий в развернувшейся с осени 1929 года кампании по дифференциации и сплочению белорусских писателей на идейно-политической платформе, отражавшей партийную линию в сфере художественной культуры. Секретариат правления БелАПП предложил писателям республики определиться: «Либо ты советский писатель, либо буржуазный подпевала». Мероприятия по «дифференциации» литературной среды, проводимые БелАПП, приобрели целенаправленный характер. Сначала эта кампания была направлена против «Узвышша». В ней объединились усилия БелАПП и представителей ЦК КП(б)Б О. Канакотина и С. Будзинского. Предлогом для развертывания решительных действий послужила эмоциональная статья А. Адамовича, опубликованная в журнале «Узвышша» (1929 г., №7). Публикация была посвя-

щена жизни и творчеству безвременно умершего П. Труса. Секретариат БелаПП расценил содержание этой статьи как «явное выступление против партийного руководства литературными организациями». Вскоре в «Звезде» появилась статья под красноречивым названием «Против буржуазной идеологии в «Узвышшы», которая потребовала «оздоровить работу» этого литературного объединения. При помощи различных методов (от игры на самолюбии молодых членов группы до бесед в ГПУ) представители ЦК КП(б)Б О. Канакотин и С. Будзинский добились раскола в организации и принятия резолюции с признанием политических ошибок. Резолюция была помещена во многих белорусских газетах, в том числе и в журнале «Узвышша» (1930 г., №1). Однако руководство БелаПП приняло этот документ скептически, заявив, «что новая декларация недостаточно порывает со старыми установками «Узвышша». В результате этих действий группа утратила организационную самостоятельность, что фактически предопределило ее творческий упадок.

Такая же кампания развернулась против «Польмя». Она началась с требования провести радикальную реорганизацию находящегося под ее контролем журнала «Польмя». В декабре 1929 года по инициативе комячейки Белгосиздата и при активном участии заведующего отделом агитации, пропаганды и печати (ОАПП) ЦК КП(б)Б А. Сенкевича и его заместителя С. Будзинского было принято решение исключить из партии М. Зарецкого за «антипартийную и антисоветскую» книгу «Путешествие на новую землю», в которой писатель выразил сочувствие трудовому крестьянству, сопротивлявшемуся насильственной коллективизации.

М. Зарецкий не признал приписываемых ему политических ошибок. Однако от другого члена группы «Польмя» Зм. Жилуновича удалось добиться публичного покаяния, которое было опубликовано 20 декабря 1929 года в «Звезде». В редакционном предисловии указывалось, что «партия требует от Тишки Гартного, чтобы он своим литературным творчеством доказал приверженность классовой линии пролетариата и его партии». Признав политические ошибки, Жилунович продолжал настаивать на пролетарском характере своих произведений. Такое упорство стало основанием для продолжения травли писателя, а его попытки доказать принадлежность к пролетарскому направлению в литературе оставались безрезультатными. Из группы «Польмя», признав свои «ошибки», в БелаПП перешел А. Александрович; был вынужден покинуть группу Я. Колас.

Составной частью кампании по борьбе с инакомыслием в белорусской художественной литературе стала попытка развернуть дискуссию о творческом методе пролетарской литературы, носившем тогда название «метод диалектического материализма». Объектом нападок белапповских критиков стал так называемый «романтический» стиль. Дискуссия в БССР носила отчетливо политический характер. В 1931 году это признал один из ортодоксальных теоретиков марксизма в БССР Л. Бенде. В частности, он

заявил, что эту дискуссию «необходимо рассматривать в контексте борьбы, которую провела ассоциация на протяжении трех лет с буржуазным национал-демократизмом, и как неразрывную часть борьбы за творческий метод пролетарской литературы» (Пролетарская литература на новом этапе. М.-Л., 1931. С.42.). Попытка М. Зарецкого обосновать приемлемость для белорусской пролетарской литературы романтического стиля была встречена беллаповцами враждебно.

Показательно-профилактические чистки под лозунгом «консолидации» и «активизации белорусской пролетарской литературы» провела в своих рядах БелАПП. В ходе этой кампании «крамола» была обнаружена и осуждена во всех национальных секциях: белорусской, польской, еврейской. Робкая попытка членов Минского отделения БелАПП высказать недовольство исключением из БГУ без их ведома члена ассоциации Я. Скрыгана за «социально чуждое происхождение» вызвало резкую отповедь в «Звезде». Газета расценила выступление писателей как выражение недоверия к политике КП(б)Б в деле подготовки кадров пролетарских писателей.

Политические кампании, проходившие в конце 20-х годов, создали обстановку неуверенности и подозрительности в литературной жизни БССР. Показательно в этом отношении письмо А. Александровича, направленное в 1930 году в ГПУ. В нем содержалась просьба пресечь исходящие из писательской среды слухи о его авторстве известного антисоветского стихотворения «Пасеклі наш край...». Одновременно письмо являлось доносом на возможный источник этих слухов.

В результате совместных действий партийно-государственных структур и БелАПП (осень 1929 — 1930 г.) в политической изоляции оказались многие писатели, прежде всего члены «Узвышша» (В. Дубовка, Я. Пуца, А. Бабарека, А. Адамович, М. Лужанин). В соответствии с беллаповской классификацией они попали в разряд «ново-буржуазных», «национал-демократических» писателей, им было определено место на «правом фланге» белорусской литературы. Беллаповские критики отказывали им в праве считаться «попутчиками». Это означало, что резолюция ЦК КП(б)Б от 18 июня 1925 года, в соответствии с которой «попутчики» могли рассчитывать на сочувственное к себе отношение, на них не распространялась.

В этой общественно-политической обстановке перед группой писателей, считавшихся «настоящими попутчиками» (Я. Купала, Я. Колас, Я. Нёманский, М. Громыко, М. Горецкий, Зм. Бядуля, К. Чорный, К. Крапива, Т. Кляшторный и др.), стояла дилемма: продолжать отстаивать свои идейно-художественные позиции в литературе и подвергнуться разгромной беллаповской критике или, после «самокритики», «добровольно» принять их идеологическую платформу и соответствующим образом перестроить свое творчество. Эти же проблемы стояли перед небольшой группой крестьянских писателей (В. Коваль, А. Баранов, Н.

Никонович, В. Сташевский и др.).

Политическая линия БелАПП в это время совпадала с официальной установкой XIII съезда КП(б)Б (май—июнь 1930 г.) об «укреплении пролетарской среды» во всех областях художественной культуры БССР. Партийное руководство республики считало, что решающим фактором «пролетаризации» всей культуры должна была стать «борьба за гегемонию пролетарской литературы». ЦК КП(б)Б поддерживал и содействовал упрочению позиций БелАПП и стремился вовлечь в ее орбиту тех писателей, которые хотя и проявляли колебания, но были склонны перейти на пролетарскую платформу. Одновременно ЦК КП(б)Б наращивал активность действий БелАПП против национально-демократического направления в литературе. Это значительно обострило борьбу против художественной интеллигенции, оставшейся приверженной национал-демократизму. В этот период особенно усилились политические обвинения в адрес Я. Купалы, М. Зарецкого, В. Дубовки и др.

В то же время многие деятели белорусской художественной культуры выражали протест против установившихся в конце 20-х годов порядков. Помимо уже упоминавшегося М. Зарецкого независимая творческая позиция была характерна для творчества А. Мрыя (А. Шашалевича), который в сатирическом романе «Запіскі Самсона Самасуя» (1929) раскрывал негативные стороны тогдашней действительности. Такие же взгляды отражались в произведениях В. Дубовки, Я. Пуци и других белорусских писателей и поэтов.

В республике издавались и произведения, в которых оправдывался возрастающий натиск партийно-государственных структур на общество, в том числе и на литературно-художественный процесс. Проявлением этого была поэма А. Александровича «Цені на сонцы» (1928), специально выпущенная отдельным изданием в 1930 году. В обстановке нарастающего партийного контроля в сфере культуры многие представители творческой интеллигенции были вынуждены идти на компромисс, принимая участие в политических кампаниях.

Общность литературно-политических интересов КП(б)Б и БелАПП стала основой для дальнейших совместных мероприятий, проходивших под лозунгом «консолидации сил пролетарской литературы». Цель консолидации — «группировка на четкой платформе пролетарских писателей, обеспечение большего пролетарского влияния на «попутчиков», объединение их вокруг пролетарской литературы и решительная борьба против антипролетарских национал-демократических элементов в литературе», — предполагала не только идейное, но и организационное объединение. Белапповское руководство стремилось включить всех пролетарских писателей и попутчиков в БелАПП. Такие попытки с одобрения ЦК КП(б)Б предпринимались белапповцами еще весной 1930 года. Однако тогда был принят промежуточный вариант, направленный пока только на «достижение идеологической консолидации», которая должна была завершиться создани-

ем Федерации объединений советских писателей Беларуси. Предполагалось, что эта литературная организация с доминирующей в ней БелАПП сможет обеспечить более тесное сотрудничество пролетарских писателей и «попутчиков». Однако реализовать этот план не удалось.

В силу того, что часть наиболее известных представителей художественной интеллигенции продолжала сопротивляться административно-командным методам руководства сферой культуры и не желала поддерживать партийную линию на «пролетаризацию» литературы и искусства, самые активные из них были подвергнуты репрессиям. Уже в июле 1930 года по сфабрикованному ГПУ «делу Союза Освобождения Беларуси» были арестованы поэты и писатели (В. Дубовка, Я. Пуца, А. Адамович, В. Жилка, Н. Чернушевич, М. Горецкий, С. Хурсик, А. Гурло, В. Шашалевич, М. Громько), критики и литературоведы (Ф. Кутцевич, В. Дзержинский, А. Бабарека), актер и режиссер Ф. Жданович, искусствовед Н. Щекотихин, деятель театра и кино А. Лежневич. Из Смоленска для снятия показаний привозили А. Дудара. На допросы в ГПУ вызывали Я. Купалу. По свидетельству участника тех событий А. Адамовича, «почти все арестованные белорусские писатели были зачислены в члены «литературной секции» этой нелегальной организации, а В. Дубовке и Я. Пуце пытались приписать участие в «террористической секции».

Причастность деятелей художественной культуры к «контрреволюционной» организации, антинародный характер деятельности которой настойчиво подчеркивался, должна была дискредитировать в глазах общественности не только арестованных представителей художественной интеллигенции, но и в целом национально-демократическое направление в белорусской культуре.

Особое значение руководство КП(б)Б придавало публичному разоблачению национал-демократизма в глазах идеологически неустойчивых слоев интеллигенции. В заключительном слове на октябрьском (1930 г.) пленуме ЦК КП(б)Б первый секретарь ЦК КП(б) К. В. Гей заметил: «Среди учительства следует поставить широкую идеологическую разъяснительную работу, приближая учительство идеологически к нам. Такую же работу нам придется провести и среди писателей». Реализация этой установки стала еще более настоятельной после попытки самоубийства Я. Купалы, который таким образом выразил протест против давления на него ГПУ с целью признания участия в «СОБ». В письме, адресованном в ЦК ВКП(б)Б, Гей просил «ускорить присылку» окончательной редакции информационного сообщения по делу «СОБ». «Работу среди интеллигенции надо разворачивать вовсю», — пояснял он свое нетерпение. С конца ноября 1930 года в прессе развернулась шумная кампания. Помимо разоблачительных статей и публикации резолюций собраний, осуждавших деятельность национал-демократической интеллигенции, важное место в ней отводилось отмежеванию представителей

творческой интеллигенции от национал-демократизма. В течение ноября-декабря 1930 года открытые письма опубликовали литературные организации (БелАПП, «Польмя», «Узвышца»), отдельные писатели (Я. Колас, Зм. Бядуля). После довольно длительного сопротивления к ним присоединился Я. Купала. Однако и официальная информация, и пропагандистская кампания не разрешили сомнений общественности, или, как осторожно выразился Гей, «известного недоумения в некоторых слоях интеллигенции». Поэтому первый секретарь ЦК КП(б)Б вновь обратился к руководству ВКП(б) за разрешением на опубликование выдержек из показаний, разоблачительный характер которых должен был убедить сомневающихся в преступных намерениях национал-демократической интеллигенции. Таким образом руководство КП(б)Б стремилось использовать публикацию материалов «дела СОБ» в качестве аргумента для обоснования изменений в национально-культурной политике в БССР.

В конце 20-х годов в республике закончился относительно демократический период литературно-художественной жизни. Свобода творчества все больше загонялась в рамки установок коммунистической идеологии. Руководство литературных групп «Польмя» и «Узвышца» под нажимом партийных структур было вынуждено признать ведущую роль БелАПП в советской литературе БССР. Под нажимом ЦК КП(б)Б все литературно-художественные организации БССР приняли резолюции, осудившие национал-демократизм как враждебное белорусскому народу явление. Этим создавалась видимость идейно-политического единства белорусской творческой интеллигенции и партии.

Несмотря на возникновение реальных предпосылок для создания единой писательской организации (БелФОСП) и отчетливо проявившуюся тенденцию распространения белапповского влияния на театр, кино, изобразительное искусство и музыку, партийным структурам не удалось сплотить все писательские силы в единую пролетарскую литературную организацию и поставить под контроль всю сферу художественной культуры. Это неоднократно отмечалось в партийных документах. На отсутствие «надлежащего руководства» литературными силами со стороны ЦК КП(б)Б указывали участники октябрьского (1930 г.) пленума ЦК КП(б)Б. В конце 1930 года руководство КП(б)Б предприняло новые шаги для того, чтобы расширить и закрепить свой контроль в сфере художественной культуры. С этой целью отдел культуры и пропаганды ЦК КП(б)Б разработал документ «О политике партии в области художественной литературы (период социалистической реконструкции)», в основу которого был положен принцип полного подчинения литературы политическим задачам партии. Литературе предписывалось обслуживать все политические кампании: от коллективизации до мероприятий по повышению обороноспособности страны. Социалистический заказ становился единственно возможной формой ее существования. При этом партия ставила перед писателями непереносимое

условие: «овладеть марксистско-ленинской теорией, диалектическим методом в творчестве».

В этом документе КП(б)Б однозначно заявила о своей поддержке пролетарской литературы. Ей гарантировалась помощь партии в деле завоевания гегемонии в литературном процессе. При этом акцент делался уже не на творческие достижения пролетарских писателей, а на их активность в «выполнении своим художественным творчеством задач партии». БелАПП объявлялась опорой партии в борьбе за утверждение пролетарской линии в художественном творчестве.

По существу на БелАПП возлагались функции литературного надсмотрщика, который должен был заниматься профилактикой идеологических и творческих ересей. Несмотря на абсолютную идентичность политико-художественных интересов, партийно-государственный аппарат стремился дистанцироваться от БелАПП и сохранить за собой свободу маневра. В документе указывались недостатки в работе ассоциации (провал творческой дискуссии, неудовлетворительные результаты призыва рабочих-ударников в литературу, слабое влияние на местах и др.), критиковались «левацкие упрощения» ее руководства (недооценка литературного наследия, замалчивание проблемы попутничества, комчванство и т. д.).

Отдавая предпочтение БелАПП, КП(б)Б стремилась заставить «попутчиков», как при помощи критики, так и административными методами, перейти на ее позиции и начать сотрудничество с пролетарскими писателями. ЦК КП(б)Б продолжал добиваться через БелАПП «консолидации всей художественной литературы вокруг задач партии» в рамках единой писательской организации, которая должна была объединить все литературные силы БССР.

Несмотря на то, что данный документ не стал директивным, он обсуждался на заседании бюро ЦК КП(б)Б 16 апреля 1931 года. Основные его положения стали руководством к действию и определяли политику партии в сфере художественной культуры вплоть до 1932 года. Многие конкретные мероприятия руководства КП(б)Б, осуществлявшиеся в этой области, логически вытекали из концепции, заложенной в документе. На этом же заседании бюро ЦК КП(б)Б был утвержден особый статус БелАПП, руководство которого уже не избиралось, а назначалось непосредственно ЦК КП(б)Б. В данном случае первым секретарем ассоциации был назначен член ЦК КП(б)Б П. Р. Галавач.

Весной 1931 года ЦК КП(б)Б предпринял практические меры по «консолидации» писателей БССР. 25 апреля 1931 года на общем собрании писателей Минска было создано «Белорусское объединение пролетарско-колхозных писателей» (БелОПКП), ставшее предшественником Союза советских писателей БССР. Членами БелОПКП оказались практически все известные белорусские писатели разных поколений: П. Бровка, М. Зарецкий, В. Коваль, Т. Кляшторный, М. Лыньков, Я. Купала, Я. Колас,

А. Кулешов, М. Лужанин, В. Моряков, Е. Мурашко, Я. Скрыган, М. Чарот и др. Объединение просуществовало до 1932 года. Ключевые позиции в этой организации занимали члены БелАПП, представители которой составили большинство в руководящем органе - Оргбюро.

Идеологическое давление, проявившееся в искусственном разжигании классовой борьбы «вокруг и внутри самого фронта искусства», сужение функций художественной культуры не могло не привести к падению уровня художественных произведений. Современные исследователи говорят о разрушительном воздействии классовой идеологии и жесткого идеологического пресса на литературно-художественное творчество рубежа 20-30-х годов.

Завершило наступление партийно-государственных структур на белорусскую художественную литературу постановление ЦК КП(б)Б «О перестройке литературно-художественных организаций БССР» от 27 мая 1932 года. Хотя в постановлении говорилось о ликвидации пролетарских литературных организаций, фактически были упразднены все литературно-художественные группы. ЦК КП(б)Б ставил задачу объединить всех писателей Беларуси в общую организацию - Союз советских писателей БССР. По его образцу должны были сформироваться и другие творческие организации республики. Это постановление окончательно закрепило и организационно оформило структуру и аппарат административного руководства белорусской художественной литературой.

